

Areál Ruska ve světle historických výročí (1709, 1812, 1941, 1991): jazyk – literatura – dějiny kultury

Editoři
Ivo Pospíšil, Josef Šaur

Masarykova univerzita
Brno 2012

Vydáno péčí Centra filologicko-areálových studií při Ústavu slavistiky Filozofické fakulty Masarykovy univerzity v rámci projektu *Další vzdělávání pracovníků v oboru filologicko-areálových studií*.

(reg. č. CZ.1.07/2.3.00/09.0166).

Tato publikace je spolufinancována Evropským sociálním fondem a státním rozpočtem České republiky.

(<http://www.phil.muni.cz/wusl/home/opvk>)

Odborný recenzent:

doc. Halyna Myronova, CSc.

© 2012 Masarykova univerzita

ISBN 978-80-210-5904-7

Татьяна ТВЕРИТИНОВА

Петербургский миф в русской литературе первой половины XIX века

Abstract:

The article deals with the formation of the St. Petersburg myth in Russian literature in the first part of the XIX century, the notions of myth and theme of St. Petersburg, Petersburg text are differentiated. At the turn of the 1820–30's one can trace the writers' interest in the urban folklore, during absorbing and modernizing of which the genre of oral salon short story was formed. Literary myth about the capital city is being formed during 1830–40's, that is reflected in A. Pushkin and N. Gogol's works. F. Dostoevsky, having adopted Gogol's mythologization of metropolitan life, shows the full force of the St. Petersburg myth in his Petersburg novels in 1860–70's.

Keywords: Russian literature, St. Petersburg, myth, A. Pushkin, N. Gogol, F. Dostoevsky

Исторические события в российской жизни начала XIX века (Отечественная война 1812 года, заграничные походы русской армии 1813–1814 годов), содействовавшие духовному перевороту в общественном сознании, привели, как известно, к восстанию декабристов в 1825 году. О дальнейшей расстановке сил между властью и обществом очень точно сказал Н. П. Анциферов:

«Самодержавие вышло победителем из первой русской революции на Сенатской площади, но «бог истории» покинул его».¹ В ходе происходившей переоценки былых ценностей менялось отношение и к Петербургу, который начал восприниматься не как Северная Пальмира, очаровывающая простотой своих очертаний, а как столица империи, олицетворение государственности. Именно в это время, на рубеже 20–30-х гг. XIX века, было положено начало петербургскому тексту русской литературы, в котором город «выступает как особый и самодовлеющий объект художественного постижения, как некое целостное единство, противопоставленное тем разным образам Петербурга, которые стали знаменем противоборствующих группировок в русской общественной жизни».²

Город этот, как никакой другой, еще с момента своего основания был овеян множеством легенд в широком эмоциональном диапазоне. Едва ли не одновременно с темой Петербурга в литературно-общественном сознании XVIII века начал складываться миф о столичном городе, легенда о его призрачности, нереальности, чужеродности, а значит, и неминуемой гибели. При всей близости и возможности совпадения с темой Петербурга понятие мифа, однако, не предполагает наличие социальных и исторических аспектов в решении основной проблемы. В мифе, как правило, действительность переплетается с вымыслом: образ реального города нерасторжим с его символическим восприятием. Бытовавшее лишь в городском фольклоре XVIII века негативное восприятие северной столицы прочно вошло в русскую литературу XIX века и укрепилось в ней, и связано это было с именами А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского и многих других писателей. Именно в XIX веке миф о Петербурге приобрел динамичность, в ходе которой получил ряд дополнительных оттенков, изменений, преобразований и даже попыток «реконструкции», а также проявил инвариантность авторских конструкций мифологизации столичной действительности. При этом, как считает В. Н. Топоров, следует отметить «две особенности: исключительную роль писателей – уроженцев Москвы (Пушкин, Лермонтов, Достоевский, Григорьев и др.) и – шире – не-петербуржцев (Гоголь, Гончаров, Бутков, Вс. Крестовский и др.) во-первых, и отсутствие писателей-петербуржцев вплоть до заключительного этапа (Блок, Мандельштам) во-вторых».³ Следовательно, восприятие Петербурга писателями шло не изнутри, а извне, из России в це-

¹ АНЦИФЕРОВ, Н. П.: *Душа Петербурга*. Петербург 1922, с. 74.

² ТОПОРОВ, В. Н.: *Петербург и петербургский текст русской литературы*. In: Семиотика города и городской культуры: Петербург: Труды по знаковым системам. Тарту 1984. Вып. XVIII, с. 6.

³ ТОПОРОВ, В. Н.: *Петербург и петербургский текст русской литературы*. In: Семиотика города и городской культуры: Петербург: Труды по знаковым системам. Тарту 1984. Вып. XVIII, с. 15.

Петербургский миф в русской литературе первой половины XIX века

лом и из Москвы – в частности. В данном случае он выступал не как обычный город, потрясший писательское воображение, а как некий категорический императив совести.

Петербург собрал в себе, как в фокусе, основные противоречия русской культуры: внеэтичность, имперскую собирательность, освоение внешних культурных форм других времен и народов. Городская архитектура поражала своей необычностью: уникальная выдержанность огромных ансамблей, без участков разновременной застройки (как в Москве), создавала ощущение декораций, накладывала театральный отпечаток. Вторую сторону петербургского эффекта театральности представляла антитеза сценического пространства – центра (Невский проспект и вся парадная часть города) и закулисного – окраины (Коломна, Васильевский остров), причем каждое из них было достаточно замкнутым культурным локусом.

Мифогенная атмосфера в России на рубеже 20–30-х годов XIX века, возникающая обычно в переломные, кризисные периоды истории, способствовала проявлению у писателей активного интереса к петербургскому фольклору. В процессе его усвоения и осовременивания обнаружился, так сказать, промежуточный жанр – устного салонного рассказа, фантастического и с неперменным «петербургским колоритом», являющегося своеобразной модификацией на более высоком интеллектуальном уровне городского фольклора, к которому обращались, в частности, А. С. Пушкин («Уединенный домик на Васильевском»), В. Ф. Одоевский («Насмешка мертвеца»), М. Ю. Лермонтов («Штосс»), что позволило писателям подойти к самостоятельной мифологизации петербургской действительности.

Наиболее ярко выразилось неприятие Петербурга и предсказание его гибели в духе библейской эсхатологии (новый вариант древнего космогонического мифа) в творчестве писателей-романтиков В. С. Печерина («Торжество смерти»), М. А. Дмитриева («Подводный город»), А. И. Одоевского («Стихи о наводнении»). Причем наводнение воспринималось поэтами как социальный символ, значение которого раскрывалось в контексте полемики Петербурга и Москвы. Так, у В. С. Печерина город – преступный, порождение деспотизма, и не он покорил стихию, а она, торжествуя, несет ему наказание и страшную гибель. Поэма заканчивается картиной затопления города разбушевавшимся морем. А в стихотворении М. А. Дмитриева основной фон – затопленный город (по аналогии с Китеж-градом из русских легенд). Как и прежде, здесь простирается дикое болото, и только шпиль от колокольни, торчащий над водой, напоминает о затонувшем городе.

Петербург 1830-х годов открыл Пушкин-реалист. Именно в это время он выдвинул тему города как особо важную, философскую, социальную, в процессе освоения которой поэт создавал свой концептуальный миф о Петербурге, отражающий специфику авторского видения столичного города и имею-

ший свои существенные черты отличия от мифа, который творил параллельно с ним его младший современник – Гоголь. Мифом обычно становится созданная автором по утверждаемым им самим законам художественной правды новая реальность, которая моделируется в соответствии с предполагаемыми законами древнего сознания. Пушкин в своем мифе не выдумывал основной объект изображения: это современный город, климат, ландшафт и тип жителя которого удивительно специфичны и являются основными маркерами петербургского текста.

Однако только в пушкинских петербургских повестях («Уединенный домик на Васильевском», «Пиковая дама», «Домик в Коломне», «Медный всадник») выделяется такой аспект мифа о столичном городе, как мифологизация маленького дома на окраине большого города, бессильного перед инфернальными и хаотическими силами. Уединенный домик присутствует почти во всех петербургских произведениях Пушкина: на Васильевском острове живет вдова с дочерью Верой и кухаркой из одноименного устного салонного рассказа, затем в таком же составе (вдова–дочь–кухарка) домик перемещается в Коломну и, наконец, вновь оказывается на прежнем месте, «почти у самого залива» («Медный всадник»), создавая определенный центр в пустынном пространстве. Устремленность к этому центру демонических сил наделяет домик особой сакральностью, со знаком «минус», и последующее противостояние и столкновение с хаотическими враждебными началами представляет собой перманентную борьбу за восстановление «положительной» сакральности. Противостоит домику другой центр, сакральный со знаком «плюс» – церковь, которая играет важную роль в выявлении нечистых замыслов, вторгающихся в домик. Последний домик – из «Медного всадника» – погибает в столкновении с хаотическими силами, и это является последним подтверждением мифологической открытости демоническим и хаотическим силам маленького дома на окраине большого города.

В такой же степени совершенно беспомощным оказывается и «маленький» городской житель. Герой – чиновник, раздавленный Петербургом, типичен и одновременно мифичен, однако, в отличие от Гоголя, Пушкин мифологизирует своего героя не по роду занятий или по складу характера, а по судьбе жителя Петербурга. По мнению В. Ф. Ходасевича, «борьба человека с неведомыми и враждебными силами, лежащими вне доступного ему поля действий, составляет фабулу как «Уединенного домика», так и «Домика в Коломне», и «Медного всадника».⁴ Взаимодействие героя с демоническими силами города представлено двояко: он может выступать как пассивное существо («Уединенный домик на Васильевском», «Медный всадник») или

⁴ ХОДАСЕВИЧ, В. Ф.: *Петербургские повести Пушкина*. Ип: Ходасевич В. Ф. Колеблемый треножник. Москва 1991, с. 180.

Петербургский миф в русской литературе первой половины XIX века

же сознательно стремиться к контакту («Пиковая дама») – в обоих случаях его ожидает чисто петербургский исход – безумие.

Особенно это прослеживается в повести «Пиковая дама», в которой обреченность героя подтверждается введением в текст мифологических намеков и ассоциаций (введение в основу сюжета анекдота о трех картах из петербургской легенды XVIII века, библейские и евангельские мотивы, числовая символика, мифологизация природной сферы, мифосимволика сновидений). С числовой символикой связана и архитектоника повести, отличающаяся зеркальной стройностью; она представлена двумя равными частями, объединяющими по три главы: в первой части активные усилия Германна овладеть магической тайной заканчиваются смертью графини, а во второй – пробужденные им демонические силы приводят его к катастрофе. «Как бы то ни было, – резюмирует В. Ф. Ходасевич, – черные силы... возвели почти на предельную высоту – и столкнули вниз».⁵

Опираясь на городскую мифологию с ее богатым демонологическим колоритом и протестантским духом, Пушкин в процессе постижения Петербурга стремился к объективному историческому осмыслению дел его строителя, Петра, первого российского императора. По мнению исследователя Л. К. Долгополова, «в «Медном всаднике» Пушкин предпринял попытку, которой суждено остаться единственной в своем роде, создать синтетический образ Петербурга, где традиция литературная оказалась бы дополненной традицией устной, фольклорной».⁶ Петербург вступления и Петербург собственно поэмы являют собой два разных облика столичного города, и в то же время каждая из этих частей представляет целостный, законченный миф о северной столице. Части эти и в печати появились одновременно: вступление как отрывок из поэмы под названием «Петербург» было напечатано в 1834 году и во многом способствовало укоренению мнения о Пушкине как певце «Петра творенья», в то время как трагический Петербург собственно поэмы предстал перед читателями уже после смерти поэта. Во вступлении, как в квинтэссенции, нашли отражение официальные петербургские мифы XVIII века, объединенные в одно целое: «Строитель чудотворный» («Здесь будет город заложен»), «Окно в Европу» («корабли Толпой со всех концов земли К богатым пристаням стремятся»), «Москва и Петербург» («И перед младшею столицей Померкла старая Москва...»), «Северная Пальмира» («Красуется, град Петров, и стой Неколебимо, как Россия...»)⁷ Петр во вступлении богопо-

⁵ ХОДАСЕВИЧ, В. Ф. *Петербургские повести Пушкина*. In: Ходасевич В. Ф. Колеблемый треножник. Москва 1991, с. 184.

⁶ ДОЛГОПОЛОВ, Л. К.: *На рубеже веков. О русской литературе конца XIX – начала XX века*. Ленинград 1985, с. 155.

⁷ Определения мифов взяты у LO GATTO, E.: *Il mito di Pietroburgo. Storia, leggenda, poesia*. Milano 1960.

добен, ибо обладает чудесной волей побеждать стихию. В собственно поэме он предстает уже не как богочеловек, а как статуя, медный всадник, персонафицирующий собой Петербург, концепция которого реализована в пушкинском произведении на трех основных уровнях: на уровне позиции автора-повествователя, воплощающее в себе «петербургское сознание», на уровне описания – картина Петербурга, на уровне рассказа – последовательные действия героя.

Таким образом, исключительность пушкинского восприятия Петербурга видится в том, что автор завершил традицию классицистической литературы, прославляющей Петра и его город, утвердил пришедшее из городского фольклора эсхатологическое представление о северной столице и создал на его основе литературный миф, насыщенный мотивами из библейской мифологии. Петр, превратившийся в Медного всадника, становится центральной фигурой пушкинского литературного мифа: с ним связано величие города и трагедия «маленького человека».

В произведениях других писателей-москвичей по рождению – В. Ф. Одоевского и М. Ю. Лермонтова – светлый облик пушкинского Петербурга совершенно отсутствует; превосходный романтический пейзаж города позапрошлого века служит для создания атмосферы призрачности ночного города, порочность которого делает его мифологически открытым для проникновения inferнальных сил («Сказка для детей» М. Ю. Лермонтова, «Сегелиель» В. Ф. Одоевского).

Обращение В. Ф. Одоевского к жанру волшебной сказки («Пестрые сказки с красным словцом, собранные Иринеем Модестовичем Гомозейкою...») позволяло Одоевскому высказать свое неприятие современного ему мира и общественного уклада, столь свойственное романтическому мировосприятию. Однако внимание к фольклору представляется нам неслучайным: он, как известно, выступает связующим звеном между архаической мифологией и литературой. В писательском интересе к фольклорной фантастике прослеживается явная ориентация на миф, выражающаяся в создании фольклорно-мифологического мира. Авторская оценка происходящих событий, несомненно, доминирует над фольклорной и мифологической, так как является проявлением романтической иронии. Романтического типа является и рассказчик, за которым скрывается сам Одоевский. Его Ириней Модестович Гомозейка, магистр философии и член разных ученых обществ, в отличие от пушкинского Белкина и гоголевского пасечника, предельно субъективирован: это герой – alter ego автора, отрицающий рационалистический подход к жизни. Подобное «одноглосье» (М. Бахтин) в текстах, по мнению

Петербургский миф в русской литературе первой половины XIX века

З. Г. Минц, могло утверждать подлинную (обычно мистическую) истинность изображаемого».⁸

Неестественность расположения столичного города и поклонение ложным идолам позволяли романтическому воображению Одоевского и Лермонтова представлять Петербург в космогоническом, а не бытовом плане. Чисто петербургская специфика – наводнение – рассматривалась писателями как высший суд, восходящий к библейской мифологии, а у Одоевского дополнялась еще и мотивом возвращающихся мертвецов в жестокий мир суетной жизни («Насмешка мертвеца»). Кроме того, если у Одоевского Петр еще присутствует как «строитель чудотворный» в стилизации финского эпоса («Саламандра»), то у Лермонтова о нем даже не упоминается. Писателей больше интересовала не сущность петровских преобразований, а сущность их последствий, наиболее негативно проявившаяся в переломный период истории.

Восприятие города Н. В. Гоголем – писателем-непетербуржцем, потрясенным от встречи со столичным городом, – нашло отражение в создаваемом писателем в течение десяти лет (1832–1842) петербургском тексте, из которого, преломившись сквозь призму глубинной мифологичности художественного мышления создателя, возник авторский миф о Петербурге. Писатель, используя открытую романтизмом возможность не книжного, жизненного отношения к мифологическим символам, обращается к мифологизации как к литературному приему даже на самом прозаическом материале.

Впервые в истории литературы своего времени Гоголь создал целостный «индивидуализированно-текущий» (Б. Пайк) образ города, обеспечивающийся тремя основными повествовательными точками зрения: изображение извне и сверху, на «уровне глаз» и извне и снизу. Взгляд на город извне и снизу был взглядом из Украины, гоголевского обетованного края. Так проявляется оппозиция севера и юга, имеющая достаточно важное значение в гоголевской модели мира. Восприятие же необычности столичного города осуществлялось посредством обращения к сказовой манере изложения, что предполагало введение в повествование рассказчика, наивного провинциала, малоросса, тяготеющего к стихии фольклорного сознания. В петербургских повестях Гоголь изображает город «на уровне глаз», идя со своими персонажами по Невскому проспекту и вовлекаясь вместе с ними в повествование. Намеченная писателем «схема изменения» Невского проспекта в течение одного дня восходит к мифу о метаморфозе,⁹ когда автору удается определить этиологию объекта изображения, несомненно, inferнальную, ибо только в конце схемы – ночью – появляется фигура главного распорядителя гоголевской петербургской фантазмагии – демона, «чтобы показать все не в насто-

⁸ МИНЦ, З. Г.: *О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов*. In: Уч. зап. Тартуского ун-та. Тарту 1979. Вып. 459, с. 91.

⁹ BRUNEL, P.: *Le mythe de metamorphose*. Paris 1974.

ящем виде». И наконец, завершает целостную картину восприятия Петербурга изображение города извне и сверху (развитие мифологемы «Петербург-Москва» в «Петербургских записках 1836 года»).

В своем исследовании “Il mito di Pietroburgo” Э. Ло Гатто выделяет как основной компонент мифа о столичном городе противопоставление Петербурга Москве, бытовавшее еще с петровских времен.¹⁰ Н. В. Гоголь был одним из первых писателей, кто продолжил эту традицию в русской литературе XIX века. В «Петербургских записках 1836 года» он, предвосхищая очерки В. Г. Белинского, А. И. Герцена, И. А. Гончарова, А. А. Григорьева и споры в литературе между западниками и славянофилами, размышляет о двух типах городского общежития в России. Петербург у него выступает как культурный, образцовый город, однако с нерусским обликом и жизненным укладом, что было неприемлемо для патриархальной Москвы, несущей в себе смысл и сущность русской нации.

Гоголевская петербургская демонология складывается из мифологизации природной сферы, уличного освещения и определенных лиц, действующих только в этом городе. О мифологическом восприятии специфики петербургского климата в исследовательской литературе уже писали (В. Н. Топоров, В. М. Маркович, О. Г. Дилакторская). В мифологизации же уличного освещения города несомненно одно: появление в финале «Невского проспекта» символической фигуры «самого демона», зажигающего фонари, позволяло ввести читателей в метафизическую субстанцию какого-то антимира, предполагающего встречу с inferнальными силами (демонический ростовщик, одноглазый портной, женщина), чьи действия направлены против блага петербуржцев.

Петербург у Гоголя выступает не только как объект, но и как субъект исследования, как живой организм, довлеющий на ум и психику «маленького человека» и сводящий его сущностную реальность к нулю. Типичное для героев стремление противостоять фантазмагоричности петербургской действительности представлено у Гоголя целым рядом мифов (о самозванце, о мечтателе, о переписчике), составляющих мифологический словарь авторского петербургского текста. Представленные Гоголем образы самозванцев (Ковалев, Хлестаков, Поприщин), мечтателей (Пискарев), переписчиков (Башмачкин) и ситуации, в которые они попадают, имеют, несомненно, мифологический и неотделимый от него фольклорный генезис: так, например, миф о самозванце вполне напоминает сюжет о ложном герое, сказочными мотивами (невеста-царевна, волшебный помощник, волшебный дар) пронизана история любви Поприщина, в развитии которой происходит смещение от сказочной интерпретации к мифологической, заключающейся в стремле-

¹⁰ LO GATTO, E.: *Il mito di Pietroburgo. Storia, leggenda, poesia*. Milano 1960.

Петербургский миф в русской литературе первой половины XIX века

нии объяснить происхождение и сущность окружающего мира. В повести «Записки сумасшедшего» с мифом о самозванце пересекается миф роста из группы мифов о метаморфозе, здесь же встречается травестия мифа об инициации, числа несут определенную мифопоэтическую нагрузку и, наконец, неукоснительная вера героя в мифологическое перевоплощение и единственно мифологическое избавление от окружающей действительности. В гоголевском мифе о мечтателе важное место занимают сновидения, составляющие в петербургских повестях определенную систему: в трех произведениях герои приходят к безумию, в двух – едва не приходят к такому состоянию, и везде сняты сны, граничащие с бредом. У Гоголя сны обретают свое истинное предназначение, исходящее из глубины времени, когда механизм сновидений был ядром мифопоэтических текстов. Вся система патологических сновидений вполне вписывалась в фантазмагорию Петербурга, парадоксальная логика которого находила свой аналог в конструкциях сна, да и сама ирреальная природа города была тождественна природе сна, исключающей возможность проснуться. Последняя петербургская повесть – «Шинель» – помимо мифа о переписчике, который можно представить и в форме жития, и одним из вариантов мифа о пути, насквозь пронизана библейскими и евангельскими мотивами о последних временах.

Таким образом, Гоголь, моделируя петербургскую действительность по законам мифологического мышления, пришел к заключению о невыносимости жизни в таком городе, причем отрицание петербургского мира было у него связано с предчувствием неизбежности его гибели, что вводило литературный миф в более общие «культурные мифы» о большом городе и его эсхатологии.

В процессе общения Н. В. Гоголя с В. Ф. Одоевским прослеживается и взаимовлияние обоих писателей: так, Гоголь усвоил у Одоевского введение в повествование о городском быте сюрреалистических деталей, а в подхваченной теме безумия он находил не столько фантастические, сколько социальные причины («электричество» чина и денег). В свою очередь, Одоевский вслед за Гоголем смешивал в своих произведениях фантастическое и реальное, загадочное и обычное, что постепенно обретало собственную гармонию, навеянную действительностью общей для них городской жизни.

Под влиянием гоголевского мифологического мировидения в романтическом сознании М. Ю. Лермонтова восприятие Петербурга претерпело эволюцию от предсказания гибели в духе библейской эсхатологии через осмысление петербургской мифологии XVIII века («Северная Пальмира», «Петербург–Москва») к мифологизации на самом обыденном уровне, в основе которой лежит синтез фантастики и пошлого быта. Вслед за Гоголем Лермонтов использует сказ, вводя в повествование стихию народного сознания и представляя столицу с двух точек зрения: извне и сверху (Москва–Петербург,

«Княгиня Лиговская») и на уровне глаз («Штосс», наиболее «гоголевская» повесть).

Следует отметить, что ни В. Ф. Одоевский, ни М. Ю. Лермонтов не стремились к созданию собственных литературных мифов; может быть, М. Ю. Лермонтов просто не успел это сделать. Однако восприятие трагической стороны города, лишённого романтического идеала и довлеющего на человека, заслонило величественную сторону пушкинского Петербурга, не позволило писателям синтезировать вслед за поэтом эти противоположности и, полностью сосредоточив их внимание на изображении сумрачного Петербурга, поражающего своей фантастичностью, помогло укрепить в русской литературе образ гоголевского Петербурга.

1840-е годы в русской литературе характеризуются повышенным интересом к столичному городу. Интерес к Петербургу у писателей натуральной школы предполагал, прежде всего, интерес к городскому быту, оцененному резко отрицательно и представленному как совокупность знаков бедности, нищеты и унижения (альманахи «Физиология Петербурга», «Петербургский сборник»). А тема предельного унижения была связана с образом падшей женщины (Я. П. Бутков, Н. А. Некрасов, Ф. М. Достоевский). Однако гоголевская мифологизация абсурдной жизни города и человека в нем нашла свое воплощение в творчестве далеко не всех писателей натуральной школы, и это представляется нам вполне естественным, так как у школы были иные задачи. А те писатели, кто сумел постичь гоголевскую глубинную мифологичность, утвердили, дополнили и обогатили созданный Гоголем миф о Петербурге. Из них следует назвать Е. П. Гребенку, Я. П. Буткова и Ф. М. Достоевского. Все они вслед за Гоголем представляют Петербург с эсхатологической точки зрения. Так, стремясь достичь сходства ситуаций литературного произведения с мифологическими, писатели развивают и дополняют гоголевскую петербургскую демонологию, оправдывающую присутствие в окружающей жизни мифических существ. У Е. П. Гребенки и Я. П. Буткова демонским соблазном для героев выступает лотерейный билет с числом Антихриста (№ 666), а у Ф. М. Достоевского и Я. П. Буткова – женщина, и демонический союз ее с городом губителен и несомненен. Мифологизация природной сферы у Е. П. Гребенки и чисто петербургской специфики (белые ночи, возможность наводнений) у Ф. М. Достоевского способствовали ориентации скорее на космогоническое, чем на бытовое восприятие города.

Писатели обращаются также к гоголевскому сказу, предполагающему введение образа рассказчика как носителя народного сознания и позволяющему объяснять необычное и загадочное в городской жизни с мифологической точки зрения. Кроме того, писатели развили и углубили гоголевские мифы о петербуржцах, пересекающиеся с основным – о столичном городе – и входящие в созданный автором петербургский текст: о самозванце («Сеня»,

Петербургский миф в русской литературе первой половины XIX века

«Лука Прохорович» Е. П. Гребенки), о переписчике («Горюн» Я. П. Буткова, «Слабое сердце», «Бедные люди», «Двойник» Ф. М. Достоевского), о мечтателе («Петербургская летопись», «Хозяйка», «Белые ночи» Ф. М. Достоевского). В то же время, если Я. П. Бутков лишь усвоил и отразил, хотя и несколько иронически, в своем творчестве гоголевскую мифологизацию петербургской действительности, то Е. П. Гребенка внес существенные дополнения. Это сближение сюжетов произведений с легендой и сказкой («Лука Прохорович», «Верное лекарство»), обращение к городскому фольклору («Перстень»), использование нумерологии и геральдики камней («Лука Прохорович», «Перстень»).

Наиболее глубокий подход к данной проблеме наблюдается в творчестве раннего Ф. М. Достоевского, который, отталкиваясь от Н. В. Гоголя, создал, по сути, свой вариант мифа – о «Северной Голгофе». В его повествовании чаще, чем у остальных, встречаются библейские мотивы, способствующие концентрации эсхатологической атмосферы вокруг фантастического города, превращающего жизнь человека в трагедию. Несомненно, в полную силу авторский миф о Петербурге проявится у писателя в 60–70-е годы в его петербургских романах. Пока же творчество раннего Ф. М. Достоевского, трансформировав гоголевскую мифологизацию столичной жизни не только непосредственно, но и косвенно через Е. П. Гребенку и Я. П. Буткова, явилось заключительным аккордом бытования гоголевского мифа о Петербурге в русской литературе первой половины XIX века.

Литература:

- АНЦИФЕРОВ, Н. П.: *Душа Петербурга*. Петербург 1922. 227 с.
- BRUNEL, P.: *Le mythe de metamorphose*. Paris 1974. 303 p.
- ДОЛГОПОЛОВ, Л. К.: *На рубеже веков. О русской литературе конца XIX – начала XX века*. Ленинград 1985. 352 с.
- LO GATTO, E.: *Il mito di Pietroburgo. Storia, leggenda, poesia*. Milano 1960. 289 p.
- МИНЦ, З. Г.: *О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов*. In: Ученые записки Тартуского университета. Вып. 459. Тарту 1979. С. 76–120.
- ТОПОРОВ, В. Н.: *Петербург и петербургский текст русской литературы*. In: Семиотика города и городской культуры: Петербург: Труды по знаковым системам. Вып. XVIII. Тарту 1984. С. 4–29.
- ХОДАСЕВИЧ, В. Ф.: *Петербургские повести Пушкина*. In: Вл. Ходасевич. Колблемый треножник. Москва 1991. С. 172–186.